

«Исламская альтернатива» для Европы: общедуховное против лично корыстного.

К 2030 году население мусульман в Европе может превысить отметку в 58 млн чел.; его доля в европейском населении составит от 8 до 10%¹. Согласно исследованиям The Future of the Global Muslim Population² средний сценарий предполагает увеличение мусульманского населения до 11.2% (2050). И тут речь идет лишь в первую очередь об этнической «переселенской» группе (процент не охватывает понятие потенциального исламского населения Европы как такового). Динамика прироста населения даже в минимальном сценарии предполагает долгосрочное демографическое преимущество за новыми европейскими мусульманами.

Если мы откинем в сторону фактор беженцев от нынешних военных конфликтов на Ближнем востоке, волна массовой миграции в будущем просто неизбежна. Демографический взрыв продолжается по всему периметру южных границ Европы: население Египта уже превышает 97 млн. с приростом под 2 млн. чел. в год. (пригодных для жизни территорий всего около 7%, интенсификация сель.хоз индустрии убивает не поспевающие в восполнении водные ресурсы). Это просто один из ярких примеров среди южных стран с катастрофическим приближением к пределу ресурсного выживания. Учитывая климатические прогнозы, предполагающие усиление засушливости этого региона (ближайшая страна в зоне риска с водными ресурсами - Иран, 81 млн. чел.), предсказуемо ожидать в ближайшие 20 лет массовых перемещений, так называемых, «климатических беженцев».

Серьезное изменение этно-культурного, религиозного состава европейского населения неизбежно. Естественно стоит это рассматривать как новые аналитические факторы, избегая пропагандистских клише: «набега чужих»; «упадка белой Европы»; «катастрофической опасности» и т.д. В конце концов, само многообразие нынешнего населения Европы начало в свое время радикально изменяться под натиском множественных переселяющихся народов. Для нас эти тенденции - это некая неизбежная данность, требующая выработки новых возможных моделей развития событий. Европейская мысль пока осознает эти тенденции в крайне робких формах пространства массовой культуры, которая, между тем, отражает тенденции серьезней чем конъюнктурные предвыборные выкрики новых/старых националистических сил.

¹ Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций — М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014.

² <http://www.pewforum.org/files/2011/01/FutureGlobalMuslimPopulation-WebPDF-Feb10.pdf>

Великий оптимист и большой пессимист - кризис европейской светской модели смыслополагания.

Талант художника реализуется через способность в творении выразить точное ощущение своего переживания настоящего времени, его проблемного протекания, отражения коллективных рефлексий над собственными тревогами. Художник надеется разрешить свое интеллектуальное и душевное томление через раскрытие его предмета как бы от имени большинства, которое не способно самостоятельно сделать это для себя понятным. Талантливый художник - эмпат чужих образов и символов, что позволяет ему быть максимально честным и правдивым в своей ангажированности. Это позволяет нам часто апеллировать к тем или иным предметам искусства как некому актуальному отражению важных общественных процессов и их проблемных переживаний.

Среди таких ярких «лакмусовых бумажек» новых самокопаний в пространстве европейских художественных и интеллектуальных кругов я бы хотел выделить два совершенно противоположных по настроению, но совершенно схожих в предмете творческой мотивации произведения: книгу Мишеля Уэльбека «Покорность» и фильм Паоло Соррентино «Молодой Папа» (1 сезон, выстроенный в многосерийном формате).

Паоло Соррентино (один из самых талантливых итальянский кинорежиссёр последнего времени, широко известный своими фильмами «Великая красота», «Молодость») великий пессимист в отношении смысловых «драйверов» настоящего времени в пространстве сообществ, наследников христианской эсхатологии. Все его творения через утонченную художественную эстетизацию окружающего материального и человеческого подчеркивают финальную внутреннюю экзистенциальную пустоту всех соискателей современных стратегий достижения «счастья и успеха» (красота, известность, богатство, власть). И что даже лучшие «победители» в гонке за изыскиваемые пьедесталы (писатели, актеры, художники, политики и т.д.) обречены остаться с убийственной внутренней пустотой перед неизбежностью смерти. Того самого «ничто», которое делает бессмысленным личные капиталы и чужие восхищения. Для Соррентино лишь понятие Великих чувств рождает, а главное не дает потерять ощущение бытия, будучи единственным его живым смысловым наполнением. Отвечая на вопросы: «зачем я живу?», «ради чего жил?». Вся фильмография европейского режиссера крутится вокруг главного укора западному пост- христианскому миру в подмене значимостью формы и фасада жизни ценности индивидуального его содержания. Сытый, но несчастный. Известный/богатый и, в то же время, совершенно суицидально одинокий.

Некой тематической вершиной режиссерских душевных исканий стал проект «Молодой Папа». В котором яркий и харизматичный британский актер Джуд Лоу перевоплощается в образ нового Папы Римского. Задача художественного появления которого показать водораздел между, ставшей обыденностью религиозной жизни, мирской пошлой суеты и настоящей святости, забытой в многотомных собраниях из истории христианского духа. Углубление в детали сюжета совершенно лишние для предстоящих размышлений ибо мотив, драйв сериала создан не лишь из основной повествовательной и визуальной канвы. В большей степени меня заинтриговал контекст места, времени, обстоятельств, в которых этот

сериал создавался и еще тематически будет продолжен. Изображенные автором герои, а именно их характер, нравственность (за исключением самого Папы - это уже нужно самим пронаблюдать и определится) очень далеки от понятия христианской добродетели. Кризис церкви и религии преподнесены как причина ее же духовной фасадности. Ватикан как хорошо зарабатывающий Дисней-Лэнд, и паства живущая и действующая за заповедями божьими (и в боге) ровно час в сутки. Организация простых управляющих музейными зданиями и предметами высокой исторической ценности. Появление молодого Папы (как гром среди ясного неба ломающего привычность устоявшегося порядка жизни отношений церкви и верующих) - это указание на то, что не все прекрасно в Королевстве Датском и существует некий глубинный кризис. Не дословной цитатой: «Верующие от нас отвернулись, мы перестали быть им симпатичными» - и это настроение окружающих разворачивается как только сам Папа сказал, что прихожане не могут просто так быть прощены в своих грехах одной лишь просьбой. Индульгенция не продается, а всю жизнь заслуживается перед богом поступками. Выдуманный Соррентино Папа в «юношеском» пятидесятилетнем порыве находит единственный ответ, совершенно симметричный *восточному проекту Исламского Государства Ирака и Леванта* (как провиденциалистский идеал реального «Царства божьего» на земле, как нравственно *альтернативная всем проваливающимся проектам модель социально-политической организации общества*. Инструменты конкретной реализации - это уже отдельный вопрос). "Святой Отец, наших прихожан становится все меньше, образуются новые группы, по своему радикализму готовые поспорить с исламскими. - Они вернутся. И запомни, что Ислам самая крупная религия" (из разговора Секретаря и Папы). Молодой и революционный, он выступает с целями возвращение Ватикану роли религиозного идеологического центра; возвращения христианству спасительной, преобразовательной функции организации мировой общественности на первом принципе заветной нравственности и спасении индивидуальной души во имя райского вознесения. И предидущий, реакционный кандидат на пост Папы, который проиграл, а вернее его поведение и реакция на проигрыш - это именно то, за что мусульманин праведно назовет христиан лицемерами, предавшими Бога. Потому встроенная в протяженность всего повествования история кризиса веры молодого Папы (как единоличного царя-наставника самого бога на земле) напрямую раскрывает и повествует о кризисе веры христианства как такового, в данном случае олицетворенного католической церковью и Ватиканом. Поход в церковь лишь в потребительском, функционалистском понимании веры: совершил действие - получи витальный результат. И "Молодой Папа" это провокация на поиск ответа, как выкрик - «вот она проблема в нас самих!». Соррентино дает свет и не лишает шанса к покаянию перед само именованием Западом себя христианской цивилизацией, но тревожно и с завистью поглядывая на мотивации и динамичную силу пассионарного взрыва европейской иммигрантской молодежи по отношению к идее возрождения Халифата на Востоке. Где по каким-то непонятным европейцу-христианину причинам держится практическая вера в реализацию буквы священного писания. Европа утратила трансцендентную цель; коллективные идеологии вымерли в хвосте локализованного конформистского потребительского мифа про образ счастья. Но ценностное основание, заложенное в коллективную религиозность может возродить дискурс об общности и цели совместного будущего. Соррентино представляет ту сторону европейской интеллигенции, которая завидует живой социальной энергии Ислама, не имея смелости об этом заявить прямо, а порою и принять в пафосе исключительной

рациональности. А потому и рисуется калька в виде возрождения Ватиканского государства, реализующего царство божие на земле как исключительно планетарный проект. Но даже тут молодой Папа надменно предлагает ждать пока самостоятельно придут те самые правильные сыны божьи в лоно церкви. Ждать, покорно.

Противоположную, пассивно пессимистическую картину рисует известный французский писатель Мишель Уэльбек. В его «Покорности» Франция вступает в эпоху постепенной, но неуклонной исламизации всех сфер общественной жизни, в результате прихода к власти происламского президента и парламента (результат анти националистического консенсуса). Такой приход «исламского мира» становится следствием разрыва между лицемерием поступков/решений с картинной иудо-христианской идеологией европейской культуры должного. Пропала вера в нужность сдерживающих общество ограничений. Апогей просвещения привел к слабости самосохраняющих механизмов по отношению к своей структуре воспроизводства. «Ислам в таком контексте не гробовщик и тем более не убийца, а всего лишь мусорщик — он просто выметает иссохшие останки старой Европы.» Ислам означает второй шанс: шанс на общность с другими людьми, на семью. На все то, что, по всей видимости, разрушено европейским проектом. Но семья (в какой бы то ни было форме) необходима, причем не только с индивидуальной или психологической, но и с социально-политической точки зрения: она обеспечивает существование общества. Уэльбек провидчески указывает на суть центральной европейской проблемы. Писатель рисует перспективу добровольного подчинения западного общества, его покорной готовности отказаться от традиции борьбы за ценности и свободы. «Покорность» рисуется как печальный итог европейского индивидуализма. Европейская цивилизация утратила привлекательность с точки зрения общечеловеческих идеалов. Кроме относительно комфортного существования в обществе потребителей и индивидуалистов, ей больше нечего предложить. Цивилизации не умирают из-за того, что кто-то их убивает, «они убивают сами себя... И Европа уже совершила свое самоубийство», говорится в романе. Мусульманское братство» стремится преобразовать Европейский Союз в новую Римскую империю во главе с Францией демократическим путём: после прихода к власти во Франции и других странах Европы расширить Европейский союз за счёт включения в его состав Турции, Туниса, Египта. «Не за что биться, нечем делиться» старческое европейское равнодушие к себе и собственным ценностям. *«В то же время не исключено, что европейские институты, построенные сегодня на чем угодно, только не на демократии, в будущем проявят больше уважения к воле избирателей; естественным завершением этого процесса станет избрание всеобщим голосованием президента единой Европы. В таком контексте интеграция в Европу густонаселенных стран с высокой демографической динамикой, таких как Турция и Египет, может сыграть определяющую роль. И я уверен, что Бен Аббес видит себя первым избранным президентом Европы, Европы расширенной (прим. авт. «Новой Римской республики»), включающей в себя страны Средиземноморского региона, – вот они, его истинные устремления»* («Покорность»). Герои Уэльбека и сама Европа покорно, при своей несостоятельности, принимают новую пассионарную энергию Ислама, использующую новую карту и новую территорию приложения своих усилий для нового общественного универсального проекта, но оставляя старую «христианско-либеральную» модель за бортом.

Исламская альтернатива

И в шиитском и в суннитском направлениях присутствует представление про последнего потомка Мухаммеда (или же в шиитском понимании: последнего «скрытого имама», Махди). Махди и Иса (в исламе Иисус фигурирует как очень важная фигура, но лишь как небесно ниспосланный пророк; первый пророк Аллаха; транслятор слова об истинной религии до момента обновления ее приходом Мухаммеда) упразднят насилие и несправедливость, и установят справедливые и истинные порядки в канун Судного Дня. Иса сразится с лжемессией Даджалом и убьёт его, Пророк Иса установит на земле царство добра и справедливости. Но в своем втором пришествии он будет руководствоваться исламским шариатом.

Таким образом должна расширяться власть и организовываться политическое пространство под сокрытого имама в ожидании того, что его приход удостоверит внутреннюю правильность действий общества. Вебберовская черта протестантских обществ — ведение коммерции не лишь ради расширения личного потребления, а в качестве добродетельного вида деятельности. При этом М.Веббер особо подчёркивал аскетизм предпринимателей-протестантов, многим из которых были чужды показная роскошь и упоение властью, и которые рассматривали богатство лишь как свидетельство хорошо исполненного долга перед Богом. «Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и богатеть³». Особой спецификой само понимания и само оправдания экономической деятельности «капиталистического христианства» таким образом становится индивидуальный успех, индивидуальное свидетельство спасения мирским успехом. Исламская же доктрина предлагает рассматривать индивидуальную человеческую деятельность лишь как обязательную часть коллективного усилия по удостоверению общества слову Аллаха, общества (не материального успеха), а, в первую очередь, социального успеха - добропорядочности и качества социальных отношений (социального капитала). Построить Царство божье тут и теперь, быть коллективно достойными приходу скрытого имама.

Имам есть, но он сокрыт, его власть существует, но она оказывается в виртуальной реальности. Что же должно быть в физической реальности? Должно быть приготовление к его приходу, то есть должно быть деяние общины, которая в лице своих лучших представителей берет на себя инициативу создавать условия для его появления.⁴ *Судный день может настать в любой момент и спасаются души не каждого отдельно, а лишь как результат коллективного усилия, коллективной добродетельности.* Именно в этом идеологическом моменте Ислам противопоставляет себя заблудшему в индивидуальном эгоизме христианству. Второй момент: светская власть духовенства. Духовенство никогда не сможет узурпировать, как в христианстве, коренные истоки авторитета. В христианстве авторитет, свет непременно в церкви, и если ты не воцерковлен, не ходишь в церковь, это богоискательная интеллигентщина или секта. В исламе этого быть не может⁵. Вера не может быть частным делом в исламе. Вера, есть духовная воля, направленная на реализацию некоего проекта. Этот

³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма

⁴ Али-заде, А. А. Махди : [арх. 1 октября 2011] // Исламский энциклопедический словарь. — М. : Ансар, 2007.

⁵ Гейдар Джемаль, Освобождение Ислама

проект является универсальным — воцарение справедливости. Положение в теории ислама об проактивном политическом переустройстве миропорядка согласно принципам «исламского мира» и шариата как кодифицированной организации социальных, экономических и политических сфер - делает ислам исключительным по силе левым идеологическим проектом. Проектом потенциально способным быть уникальным в соединении политической повестки (с готовыми представлениями идеальных моделей общественных взаимоотношений) и трансцендентным, коллективным духовным целеполаганием. Система глобализирующегося капитала экспансировала индивидуальные жизненные миры, тотально отрезая пути к альтернативному конструкту экзистенциального самоосмысления (самой возможности для такой альтернативы), путем захвата и переноса потребительской логики в сферы нравственного, эстетического и стратегии самой рациональности. В западной мысли активную позицию в рефлексии данного status quo и публичную позицию в высказывании критики в ее сторону оставлено на совесть малой элитарной группе университетской интеллигенции, и иным «гуманитарным маргиналам». В некоем смысле данная «критическая ниша» осознанно ограничена в аудитории самими авторами и глашатаями про пороки системы, несправедливость мирового порядка, самоубийственность экономической организации и утраченный прогресс нравственности как таковой, подмененный единственным пониманием прогресса как усложнение технического строения материального производства товаров и услуг.

Религия действенна тогда, когда это не секрет личной жизни, не личная вера, которую носишь с собой в офис или на пятничную молитву, — а когда это глобальная идеология, направленная на реализацию универсального проекта. С таких позиций говорят исламские теоретики и с такой контр-системной идеологией выступают наиболее радикальные из них: действующий мировой порядок - как враг любой живой идеологической альтернативы уровня исламской религии. Западное христианство таким образом оказывается пассивным, безмолвным, не способным быть организующей силой и идеей, контролировать политику за заповедями тех стран, которые лицемерно провозглашают это своими исконными и определяющими ценностями. Претендующая на авторство и идеолога светского кодекса «западных прав и свобод», идеологии гуманности как таковой - по факту, и западные и восточные церкви Христа стали лицемерными забюрократизированными прибыльными организациями, погрязшими в порочных скандалах, критикуемые в затухающем духе во влиянии на общественные отношения. Протестантские церкви же выигрывают у последних, но не выходят в стратегии своей деятельности за рамки духовного здоровья малых общин.

В моей гипотезе, Европа со своим пост-христианским либеральным порядком позволит создать условия переобращения, «протестантизации» (и как возвращение к не изуродованным исторически интерпретациям) ислама. Ислам в лице много поколенческого миграционного преобразования населения Европы имеет уникальные возможности реализации и переоформления шариата⁶ в форме, не обремененной местной «архаикой» отношений (к

⁶ комплекс предписаний, определяющих убеждения, а также формирующих религиозную совесть и нравственные ценности мусульман. Шариатские предписания закреплены прежде всего Кораном и сунной пророка Мухаммеда и выступают источниками конкретных норм, регулирующих практически все сферы повседневной жизни мусульман.

примеру, дегуманизованного и неравноправного отношения к женщине. Такое и им подобие предубеждения западного человека относительно «ужасов», неприемлемых для современного жителя европейского мегаполиса, является примером переноса практик конкретного ближневосточного государства на свободы ислама как такового). Переселение ислама на постоянное присутствие в пространство новой европейской родины - условие проверки и формирования ислама по шариату во внеисторической шкарлупе старых ближневосточных традиций. Консервативность старых ближневосточных светско-религиозных элит, их лично корыстные манипуляции вектором богословской традиции и т.д. - исчезание этих факторов позволяет подтолкнуть ислам к осовремениванию через свою действительную универсализацию. Возвращение изначального ислама в свой пафос авангарда христианства. Проигнорированный христианством второй пророк Мухаммед, следование ложному, не обновленному, учению - вот аргументы ислама на фоне самых кровопролитных войн и конфликтов (изобретенных орудий массового уничтожения), устроенных христианскими странами за последнее столетие. Козырь в аргументах к реакции по отношению к сложившемуся миру протестантского общества (протестантского не в буквальном «конфессиональном» смысле, а в смысле его расчетливого рационализма, социальности, «открытости», т.е. общества плоского, пребывающего «лишь тут», без вынесенной над человеческой цели). Идея «рая на земле» (Града Божьего в свете) реализовалась своей фальсификацией через идею «потребительского прогресса». С каждым поколением свободы становится не больше, а увеличение свободного времени прогрессом лишь канализируется в очередные формы рекреационного время прожигания - через культурную индустрию симулякров потребностей. Вместо этого открытым остается пространство для идейной силы, способной сформулировать идею прогресса: межчеловеческих отношений; душевно нетравматичной экзистенции; прогресса в способности неконфликтного (без войны) существования, хотя бы на протяжении лет 50-ти. Прогресса истинно гуманного общества (без бездомных, брошенных детей, повседневных убийств, семейного насилия и т.д.) - всего того, что неспособно реализовать и сформулировать концептуальной задачей западное пост-христианское общество. Общество не только успешных, а, в первую очередь, счастливых людей с высшими, за личные, целями (ибо реализуются такие цели лишь как общее, а не лично-индивидуальное). Тут есть новые возможности для исламских принципов организации человеческого общежития в своей левой, контрэлитарной форме религиозно-идеологического универсального движения.

И новое, увеличивающиеся, исламское население Европы может стать таким социальным пространством проверки Ислама на новый универсализм.